

Религиозный аспект идеи интеграции с Россией в белорусско-украинском православии XVII в.

На протяжении всего XVII в. проблема национально-культурного и политического суверенитета народа рассматривалась в белорусско-украинской мысли в тесной связи с ситуацией защиты религиозной свободы. В 20 – 40-х гг. в белорусско-украинском православии наметились две основные тенденции – компромисса и конфронтации – по отношению к унии и государству Речи Посполитой, что было связано со спецификой видения взаимоотношений церкви с Западом и московским православием. [7, с. 100-137] Выразителями тенденции компромисса являлись Пётр Могила, Сильвестр Косов, Фома Иевлевич [6] и другие представители православной интеллектуальной элиты, считавшие необходимым добиваться восстановления прав православия преимущественно мирным и законным путём, ведя диалог с политическими и религиозными оппонентами. Они исповедовали идею относительно независимой православной церкви и культурно-национально-религиозной автономии белорусского и украинского этноса в пределах Речи Посполитой на основе лояльности. Политическая лояльность должна была обеспечить, по их мнению, гражданское согласие. “Над едність и згоду, – писал П. Могила, – нечего немаш пожитечнешого и вдячнешого” [2, с. 197].

Наряду с тенденцией компромисса в белорусско-украинском православии присутствует противоположная тенденция – решительного осуждения унии и политического режима Речи Посполитой. Выразители этого направления (Иов Борецкий, Исайя Копинский, Афанасий Филиппович и др.) полагали, что интересы церкви и народа требуют полной ликвидации

униатства. Они выступали за интеграцию с московским православием и вхождение белорусских и украинских земель в состав Русского государства [1, с. 37; 2, с. 127; 3, с. 77-78; 5, с. 204-216]. Идея политической ориентации на Москву проступает уже в работах 20-х гг. З.Копыстенского. Примером может служить его посвящение к “Беседам” Иоанна Златоуста (1623), в котором Владимир Мономах восхвалялся за то, что “Речь Посполитую Российскую незгодами и внутренними войнами сынов и потомков... утрапленную успокоил... князства Роскии разорваннии знову целностью своею в едино споил и злучил и до единовладства по-старому привел”. Премниками единовластного правителя “Руси” Копыстенский объявлял “все цареве Московский” [5, с. 206].

Анализируя сознание белорусско-украинского общества второй половины XVII в., не следует отождествлять идеи культурно-исторического родства восточнославянских народов и политической интеграции с Россией. Первая идея свойственна национальному самосознанию белорусов, украинцев, русских на протяжении всей истории. Она основывалась на осознании общих генетических и исторических корней, родства языка, культуры, вероисповедных ценностей и т.д. В XVII в. эта идея получила отражение в творчестве Ф.Иевлевича (“Лабиринт”), З.Копыстенского (“Палинодия”), П.Могилы (“Лифос”, “Требник”), С.Косова (“Патерик пещерский”), А.Кальнофойского (“Тератургима”), И.Тризны (“Патерик пещерский”), Т.Сурты (Могилёвская хроника), в белорусских и украинских списках “Задонщины”, “Мамаева побоища” и т.д. В этот же период стараниями П.Могилы приобретает широкую популярность культ князя Владимира-крестителя “Руси”, символа расцвета, силы и могущества Древнерусского государства. Важно отметить, что обращение к древнерусским традициям питало разнонаправленные тенденции отечественной мысли – и идею религиозно-культурной самодостаточности белорусско-украинской

“Руси”, которая содержала потенциальную предпосылку концепции государственного и конфессионального суверенитета, и идею, отрицающую политическое и культурное размежевание белорусов и украинцев с русским народом. Что касается идеи политической интеграции с Россией (в терминологии советской историографии – “воссоединения с Россией”), то она возникает примерно на рубеже XV – XVI вв. (после освобождения Северо-Восточной Руси от золотоордынского ига), и получает развитие по мере формирования великодержавной идеологии.

Выразителем бескомпромиссной тенденции в белорусской мысли второй четверти XVII столетия являлся Афанасий Филиппович. В “Истории путешествия в Москву”, адресованной Алексею Михайловичу, Филиппович повествует о тяжёлом положении православных Речи Посполитой, пытаясь убедить русского самодержца в необходимости освобождения угнетаемых единоверцев [8, с. 50]. В этом заключается идейный смысл данного фрагмента “Диариуша”. Цель своей поездки в Москву Филиппович облакает в сакрально-мистические формы, объясняет исполнением воли Пречистой Богородицы, которая подвигла его на опасное путешествие, неоднократно наставляла, являвшись в образе Купятицкой Божьей Матери: “Иди до Москвы, я с тобою!” [8, с. 56, 53, 59, 91, 98, 99]. Во время одного из “чудесных видений” Богородицы Филиппович “правдиво слышалем” божественное повеление: “Афанасий, иди до Царя Михаила и рци ему: звитяжай неприатели наши; бо южь час пришол, мей образ Пречистое в кресте Купятицкий на хоругвах военных для милосердя; и в битви той каждого человека, мянующогося православным, здорово заховай” [8, с. 59]. Идею вмешательства Москвы во внутренние дела Речи Посполитой, защиты национально-религиозных прав белорусского и украинского народов Филиппович представляет как святое дело, получившее санкцию и одобрение Бога [4, с. 244-245]. Возлагая надежды на русского самодержца, ав-

тор пытается побудить его к действию. Символами угнетаемых, ожидающих помощи Беларуси и Украины выступают нуждающиеся в восстановлении древние православные храмы – Купятицкая церковь под Пинском и разоренный униатами киевский Софийский собор: “в великом преследованию там были православнии од униатов” [8, с. 52].

Деятельность Филипповича целиком была направлена на защиту православной церкви, сохранение *“великого народа христианского”* (выделено мною. – В.С.) [8, с. 117] от религиозно-этнической ассимиляции со стороны польско-католических кругов Речи Посполитой. “Унея проклятая” должна быть, по убеждению автора, “згублена на веки”, так как вызвала “розделене Руси”, спровоцировала “непотребные колотни”, разрушила не только церковное единство, но и гражданский мир: “похлебства, лакомства, заздности, здрады, нецноты а найбарзей пыха ся проклятая замножила; для тоей, и порядок духовный и светский южь-южь загинул” [8, с. 74, 88, 104]. В “Новинах”, “Суплике третьей” и других публицистических работах Филиппович приводит примеры, свидетельствующие о политическом бесправии приверженцев “Восточной церкви”, игнорировании их элементарных вероисповедных и человеческих свобод [8, с. 88-89, 96-97, 103-105].

Считая упразднение унии задачей первостепенной государственной важности, Филиппович неоднократно обращался к королевской власти, сейму, убеждая дать “успокоене грунтовное веры православной Грецкой” [8, с. 106], восстановить в стране мир и справедливость, предотвратив тем самым надвигающуюся междоусобную войну, распад и гибель Речи Посполитой. Убедившись в отсутствии “разумной мерности” в религиозной политике правящих верхов шляхетской Речи Посполитой и продолжении попыток “вынищити тут в панстве христианском веру православную Грецкую” [8, с. 89], Филиппович выступил с гневной обличительной речью на

сейме 1643 года. Требуя решительных шагов в защиту православной веры, он угрожал “страшным судом” королю и сейму за бездействие: “Хотей же, ваша королевская милость,.., абы вера правдивая Грецкая грунтовне была успокоена, а унея проклятая вынищена и внивечь обернена; бо если унею проклятую выкорените, а всходнюю правдивую церковь успокоите, то щастливые лета ваши поживете. А если не успокоите веры правдивое Грецкое и не знесете унеи проклятой, то дознаете запевне гневу Божого... В воли то человекей есть. Обирай же себе, што хочь, поки час маешь...” [8, с. 74-75]. Филиппович не был сторонником религиозной терпимости, отстаивал идею единой “истинной веры”, православия. Он непримиримо относился к “геретикам”-протестантам, однако признавал права римокатоликов. В то же время он считал последних возвращенными “от шатана проклятого”. Филиппович был бескомпромиссен в отношении “барзо мудрых” иезуитов, рассматривая их главными вдохновителями “проклятой унеи” и преследований православных христиан [8, с. 85, 90, 92, 99-104, 128-130, 134]. Через весь “Диариуш” красной нитью проходит идея упразднения “проклятой унеи”. На надгробии святого Афанасия был выбит его предсмертный завет: “Абы не была унея проклятая.., только ты, одна Церкви святая!” [8, с. 154]. Вместе с тем было бы упрощением сводить позицию Филипповича, как это делал Костомаров, к религиозному фанатизму [1, с. 93; 4, с. 247].

Материалы “Диариуша” свидетельствуют, что автор позитивно относился к правовому регулированию отечественной конфессиональной жизни, признавал, в отличие от униатов и католиков, акт Варшавской конфедерации 1573 года [8, с. 126-127]. Кроме того, воззрения мыслителя необходимо рассматривать в контексте социально-политической и религиозной действительности на белорусских и украинских землях конца XVI – первой половины XVII вв., которая характеризовалась беспрецедентным по-

давлением религиозной свободы, преследованиями и унижениями православного населения за вероисповедные убеждения, что обусловило размытие толерантной ментальности белорусского и украинского народов, рост нетерпимости в обществе, жесткие формы борьбы в период народных движений и войн середины – второй половины XVII столетия.

Литература

1. Коршунов, А.Ф. Афанасий Филиппович: Жизнь и творчество / А.Ф. Коршунов. – Минск: Наука и техника, 1965. – 183 с.
2. Нічик, В.М. Петро Могила в духовній історії України / В.М. Нічик. – Київ: Український Центр духовної культури, 1997. – 328, 16 с.
3. Падокшын, С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз) / С.А. Падокшын. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 111 с.
4. Падокшын, С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С.А. Падокшын. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.
5. Пашуто, В.Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1982. – 264 с.
6. Старостенко, В.В. Иевлевич Фома / В.В. Старостенко // Православная энциклопедия. Т. XXI / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 184-185.
7. Старостенко, В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X – XVII вв.) / В.В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2001. – 200 с.

8. Филиппович, А. Диариуш албо список деев правдивых, в справе помноженя и объясненя веры православное голошений / А. Филиппович // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1 (Русская историческая библиотека. Т. 4). – С. 49-156.